

“Если ты собираешься предать нас, сделай это. Потому что, когда ты станешь никчемной, я убью тебя и возложу ответственность на Людвигов”.

Я поняла точку зрения Софии, даже когда слезы навернулись у меня на глаза от удушающей боли в горле.

Она могла бы представить все так, будто я была убита кем-то из семьи Людвиг, и использовать мою смерть как оружие, чтобы нанести удар Людвигам.

Никто бы и подумать не мог, что граф Ригельхофф, который, как всем известно, любил свою дочь, убил бы ее.

‘Вот почему он притворялся, что любит меня’.

Они действительно ужасные люди, настолько ужасные, что граф Синклер кажется более человечным.

Как раз в тот момент, когда в голове у меня стало пусто, София ослабила хватку на моей шее.

Я судорожно закашлялась и обхватила руками затекшую шею.

“Итак, если ты не хочешь умереть, просто будь хорошенькой куколкой, которой ты всегда была”.

Голос Софии был жутким.

Но у меня не было ни малейшего желания уступать ей.

Эдит, над которой издевались с детства, может, и боится Софии, но я знаю, что она не может быть той, кто убьет меня.

В этом мире единственный человек, которому поручено убить Эдит - Киллиан Людвиг.

А не какой-то дерьмовой статистке, смерть которой так и не объяснили.

“Ты пожалеешь об этом, София”, - сказала я хриплым голосом.

Я думала, она снова даст мне пощечину, но она просто посмотрела на меня сверху вниз с нелепым видом.

Киллиан задумчиво теребил вышитую светло-серую птицу, кусающую лавровый лист.

На следующий день после того, как он вернулся со своей инспекции поместья Райзен, это было за день до ежегодного базара графини Эрмении.

На самом деле, его единственным впечатлением от этого события было: “Я устал, а мне нужно идти туда завтра”.

Пока он не услышал новость от своей матери.

“И Эдит вышила птицу на своем носовом платке, ты знаешь, какого она цвета?”

“Зачем мне это знать, разве это имеет значение?”

“Хо-хо-хо. Это цвет твоих глаз”.

“... да?”

“Она вышила это, думая о тебе. Разве это не мило?”

Ответ был таким неожиданным.

Его мать рассмеялась, сказав, что Эдит даже просила ее не говорить это ему, но Киллиану стало интересно, что Эдит имела в виду под этим.

‘Может быть, она просто пыталась произвести впечатление на мою мать’.

Когда Киллиан прибыл на базар на следующий день, он понял, что Эдит, Лизе и Клифф отправились прогуляться по базару, поэтому он последовал за ними.

Но поскольку он опоздал, то увидел, как Эдит и Лизе уже возвращались со своей прогулки.

Как раз в тот момент, когда он собирался изобразить неведение, группа женщин преградила им путь.

‘Графиня Брин? Я слышал, она уехала в поместье поправлять здоровье, но она вернулась’.

Графиня Брин имела репутацию человека откровенного, но ее положение графини и заботливый характер означали, что у нее было много последователей.

Однако она сразу же затеяла ссору с Лизе, заявив, что та незаконнорожденный ребенок или домашнее животное.

‘Она сумасшедшая?’

Он уже собирался подбежать, когда Эдит встала перед дрожащей Лизе.

“Кажется, в наши дни я не могу вписаться в общество. Кучка невоспитанных деревенщин бродят по базару”.

Даже Киллиан был удивлен ее смелой провокацией, но другая сторона начала высмеивать Эдит.

Женщина сказала что-то вроде того, что Эдит была ненамного лучше Лизе, и следующие слова другой женщины пронзили сердце Киллиана.

“Я слышала, ее игнорирует даже ее муж?”

Она не ошиблась. Ему даже не пришло в голову, что ему следовало бы позаботиться об Эдит.

Но он не мог понять, почему чувствует себя виноватым.

“До меня доходили слухи, что у герцога Людвига есть нежеланная невестка, но я не ожидала, что все будет так плохо”.

“Я слышала, что граф Ригельхофф принудил ее к браку”.

“Мне жаль сэра Киллиана”.

Слова, оставленные женщинами, прилипли к ногам Киллиана.

Их слова были подобны ножам, замаскированным под слова. Они даже не были ложью, что делало их еще острее.

‘Это все потому, что граф Ригельхофф жадный’.

Киллиан обвинил графа Ригельхоффа. Даже когда он повернулся, чтобы посмотреть на выражение лица Эдит, он почувствовал укол тревоги.

Но в отличие от Киллиана, который застыл, Эдит небрежно взяла Лизе за руку и ушла.

На ее лице не было ни гнева, ни стыда, ни чувства унижения.

Возможно, Эдит была не из тех, кого можно обидеть грубыми словами.

‘Она настолько сильна...?’

Но внезапно он вспомнил, как она говорила ему, что ее задела его слова.

Наблюдая, как Эдит возвращается к палатке Людвигов, Киллиан повернулся, чтобы последовать за ней, затем снова отвернулся.

На базаре Киллиан заметил три носовых платка, которые явно были вышиты Эдит.

‘У нее есть кое-что настоящее... что я могу сказать... скромные навыки’.

Среди невероятных вышивок ее работы настолько просты, что невольно задумываешься, а были ли они выполнены благородной леди.

‘Людвиги не должны быть опозорены тем, что предметы, которые они пожертвовали, оставались на базаре до окончания’.

Помня об этом предлоге, он тут же купил три носовых платка Эдит и засунул их во внутренний карман.

И когда он вернулся в палатку, все еще прекрасная Лизе приветствовала его ослепительной улыбкой, а Эдит...

“Я скучаю - Нет, у тебя было хорошее путешествие?”

Она собиралась сказать, что скучала по мне?

Нет, ни за что. Она ни за что не скучала бы по мне - мужчине, который всегда говорит при ней только жестокие вещи.

Кроме того, “неуважение” ее мужа к ней было хорошо известно всем.

Но настроение на базаре было хорошим.

Погода была хорошая, и было приятно встретиться и поприветствовать старых знакомых.

Эдит тоже было приятно смеяться с ним, пить чай со льдом и есть закуски.

Если бы она просто вела себя хорошо, возможно, я смог бы уговорить ее жить со мной.

Возможно, именно из-за этой мысли он даже сказал ей несколько слов, не подумав.

“Это намного лучше... чем то, что ты носила раньше”.

“Так и есть, правда? Навыки миссис Руаял довольно хороши. Ты был бы удивлен, узнав, как выглядело это платье раньше”.

Итак, он понял, что платье, которое на ней было, было не новым, а переделанным.

Прямо через стол кто-то "снова" делал комплименты Лизе по поводу ее красоты и нового платья, но никто не делал комплиментов Эдит, пока Киллиан сидел там.

‘Если ты все эти годы был так плох в управлении репутацией...’

Верно. Причина, по которой люди игнорируют Эдит, в том, что она не заботится о собственной репутации.

Но когда другая группа дам похвалила Лизе, даже не поздоровавшись с Эдит, Киллиану пришлось признать, что он обиделся.

‘Я имею в виду, теперь она моя жена... разве игнорировать ее не то же самое, что неуважительно относиться ко мне?’

Да, так оно и было.

Но как раз в этот момент Эдит встала, чтобы подправить макияж.

‘Тебя это оскорбило?’

Ее игнорировали таким неловким образом, что она больше не могла этого выносить и ушла.

Итак, Киллиан посмотрел, как она вошла в особняк, а затем встал.

“Куда ты идешь, Киллиан?”

Он собирался выйти из палатки, когда Лизе схватила его за подол рубашки.

Внезапно взгляды других дам обратились к нему.

“О боже! Сэр Киллиан тоже здесь! Давно не виделись”.

“Боже мой, ты так чудесно вырос, я уверена, герцогине Людвиг не о чем беспокоиться”.

В любое другое время он поприветствовал бы их ради своей репутации и чести своей матери.

Но ему это не понравилось, тем более что они даже не потрудились взглянуть на него и Эдит, только на Клиффа и Лизе.

“Извините, но у меня липкие руки, и мне нужно их вымыть”.

С этими словами он поспешил к особняку.

Когда он вошел в особняк и огляделся в поисках женского туалета, он увидел рыжевато-

каштановые волосы Эдит, выглядывающие из окна.

Она была со светловолосым мужчиной.

‘Ни за что. Все эти взгляды устремлены на нее, неужели у нее роман с другим мужчиной?’

Эдит никогда бы не сделала чего-то настолько постыдного.

Даже подумав об этом, Киллиан поспешил выйти из особняка и прокрался к углу, где они стояли.

Он даже не осознавал, что приглушает свои шаги.

Мужчина, который тащил Эдит, притянул ее к себе, что-то прошептал ей и грубо отпустил.

Тогда Киллиан понял, кем был этот человек.

‘Шейн Ригельхофф...?’

Шейн посмотрел на Эдит, казалось, со скрежетом зубов, затем повернулся и ушел.

Даже когда он уходил, Эдит стояла неподвижно, дрожа.

‘Что сказал этот ублюдок?’

Эдит достала носовой платок и промокнула глаза, было ясно, что она плакала.

Но потом она глубоко вздохнула и достала зеркало, чтобы рассмотреть свое лицо.

Уголки ее рта странно приподнялись, а затем она убрала зеркало и отвернулась с усталым выражением лица.

Киллиан быстро отошел на несколько шагов, затем притворился, что только что пришел, чтобы она вышла из-за угла.

“Я искал тебя некоторое время. Где ты была?”

“О... особняк красивый, поэтому я подумала, что посмотрю, на что это похоже здесь...”

“В тебе много любопытства”.

Как только они встретились, Киллиан заметил, что одна из ее щек покраснела.

‘Шейн Ригельхофф ударил Эдит?’

Это было невероятно.

Любовь Ригельхоффов к Эдит была хорошо известной историей в социальных кругах.

Но когда Киллиан подумал о странно свирепом лице Шейна и покрасневшей щеке Эдит после встречи с ним, он мог думать только об одном возможном исходе.

Тем не менее, Эдит продолжила разговор небрежным тоном.

<http://tl.rulate.ru/book/106397/3829967>